

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

И. М. Оранский

ТАДЖИКОЯЗЫЧНЫЕ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ГРУППЫ
ГИССАРСКОЙ ДОЛИНЫ
(СРЕДНЯЯ АЗИЯ)
ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1983

4С
063

Ответственный редактор
М.Н. БОГОДЮБОВ

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Сокращения	7
Литература	10
Транскрипция и условные знаки	22
Введение (§§ 1-25)	23
§§ 1-3. Район исследования. Историко-культурные связи между право- и левобережьем Амударьи. Миграции населения с левобережья Амударьи в Среднюю Азию; §§ 4-7. Переселение в Среднюю Азию эт- нографических групп «кавол», чистони, парья и др. Термин «афгон» («афганец»), применяемый для обозначения этих групп. Сведения об «афганцах» и других этнографических группах, переселившихся в Среднюю Азию с левобережья Амударьи, в литературе и статистиче- ских материалах. Вероятность индийского их происхождения. §§ 8-10. Прошлая обособленность изучаемых этнографических групп. Характер их занятий и образ жизни. Применяемые по отношению к ним названия; §§ 11-13. Таджикская речь изучаемых этнографических групп. Характер материалов и принципы описания; §§ 14-25. Арго групп «кавол», джуги и чистони (общая характеристика).	
Глава 1. Этнографическая группа «кавол» (шех-момади), ее диалект и арго (§§ 26-106)	49
Общие сведения о группе «кавол» (§§ 26-35)	49
Таджикский говор и арго группы «кавол» (§§ 36-106)	60
Фонетика (§§ 38-69)	61
Вокализм (§§ 38-46)	61
Консонантизм (§§ 47-66)	63
Стяжения, наращенные, метатезы (§§ 67-69)	68
Грамматический строй (§§ 70-100)	69
Имена (§ 70)	69
Местоимения (§§ 71-75)	69
Числительные (§ 76)	69
Глагол (§§ 77-84)	70
Предлоги и послелогов (§§ 85-94)	71
Некоторые элементы синтаксиса (§§ 95-100)	73
Прямое дополнение (§§ 95-97)	73
Определительные конструкции (§§ 98-99)	73
Согласование (§ 100)	74
Лексика (§§ 101-103)	74
Список терминов родства и свойства (§ 102)	78
Список арготических слов (§ 103)	81
Материалы (§§ 104-106)	89

Книга представляет первое в науке этнолингвистическое исследование пяти этнографических групп Средней Азии (Гиссарской долины), переселившихся сюда из Афганистана или Индии. Работа содержит историко-этнографические очерки по каждой такой группе, сводку диалектных особенностей их таджикской речи, материалы по их секретным языкам (арго). Приводятся образцы фольклора, тексты бытового и этнографического содержания.

4602010000-175 КБ-7-71-83
013(02)-83

© Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука", 1983

Глава II. Этнографическая группа гиссарских джуги, ее диалект и арго (§§ 107-170)	103
Общие сведения о гиссарских джуги (§§ 107-117)	103
Таджикский говор гиссарских джуги (§§ 118-153)	111
Фонетика (§§ 119-141а.)	113
Вокализм (§§ 119-125)	113
Консонантизм (§§ 126-139в.)	114
Стяжения (§ 140)	117
Нарращения согласных (§ 141а.)	117
Грамматический строй (§§ 142-153)	117
Имена и местоимения (§§ 142-143)	117
Глагол (§§ 144-147)	118
Предлоги и послелог (§ 148)	118
Некоторые элементы синтаксиса (§§ 149-153)	118
Арго гиссарских джуги (<i>zabon-i mugati, xurvat</i> или <i>jugigal</i> §§ 154-165)	119
Способы арготического словообразования (§§ 154-164)	119
Список арготических слов (§ 165)	121
Материалы (§§ 166-170)	139
Глава III. Этнографическая группа чистони, ее диалект и арго (§§ 171-209)	148
Общие сведения о группе чистони (§§ 171-172)	148
Таджикский говор и арго группы чистони (§ 173)	150
Фонетика (§§ 174-196)	150
Вокализм (§§ 174-180)	150
Консонантизм (§§ 181-196)	155
Грамматический строй (§§ 197-199)	159
Некоторые элементы синтаксиса (§§ 200-204)	161
Лексика (§§ 205-206)	162
Термины родства и свойства (§ 206)	164
Материалы (§§ 207-209)	168
Глава IV. Этнографическая группа гиссарских согутарош (<i>sofutaroš-hisori</i>), ее диалект и арго (§§ 210-212)	176
О таджикском говоре и арго гиссарских согутарош (§§ 211-212)	181
Глава V. Таджикская речь гиссарских парья (§§ 213-275)	183
Фонетика (§§ 215-237)	186
Вокализм (§§ 215-222)	186
Консонантизм (§§ 223-231)	188
Падение согласных, стяжения, метатезы (§§ 232-237)	191
Грамматический строй (§§ 238-273)	191
Имя существительное (§ 238)	191
Местоимения (§§ 239-244)	192
Глагол (§§ 245-258)	192
Предлоги и послелог (§§ 259-266)	194
Некоторые элементы синтаксиса (§§ 267-273)	198
Лексика (§ 274)	201
Материалы (§ 275)	202
Тексты	203
Разговорные фразы	227
Экспурс. О чередовании d/z в некоторых таджико-персидских говорах (§ 276)	232

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа посвящена этнолингвистическому исследованию пяти этнографических групп Гиссарской долины и состоит соответственно из пяти глав: 1) Этнографическая группа «кавол» (шех-момад), ее диалект и арго; 2) Этнографическая группа гиссарских джуги, ее диалект и арго; 3) Этнографическая группа чистони, ее диалект и арго; 4) Этнографическая группа гиссарских согутарош, ее диалект и арго; 5) Таджикская речь гиссарских парья.

Родным языком всех этих этнографических групп (за исключением группы парья) является таджикский в различных его диалектных разновидностях. Для двуязычной группы парья таджикский служит вторым родным языком¹.

Материалы по диалектам и арго этих групп собирались с 1952 по 1964 г. в различных районах Гиссарской долины, частично также — на территории б. Кулябской области: по группе «кавол» — в Гиссарском, Регарском, б. Пахтабадском районах Таджикской ССР, а также в квартале Гузар-и кавол г. Куляба; по группе джуги — в Орджоникидзебадском, б. Сталинабадском, б. Кокташском, Гиссарском, б. Шахринауском и Регарском районах Таджикской ССР; по группе чистони — в районе Сары-Асия (Узбекская ССР); по группе согутарош — в Гиссарском и Регарском районах, по группе парья — на всем протяжении Гиссарской долины. Некоторые записи по группам джуги и парья были сделаны также в Душанбе во время наездов представителей этих групп к автору.

Предварительные сообщения об этих этнографических группах, отдельные образцы их разговорной и арготической речи публиковались автором начиная с середины 50-х гг.² весь остальной материал и исследование публикуются впервые.

К началу 50-х гг. одна из названных этнографических групп (джуги) была известна в литературе лишь по кратким упоминаниям, четыре другие (парья, кавол, чистони и согутарош хисори) вообще были неизвестны. Это обстоятельство заставляло уделять внимание сбору общих сведений об этих группах, материалов по их расселению, родовому делению, истории, этнографии и т.п. Включая этот материал в работу, автор исходил из того, что специфические особенности говоров и арго этих групп (да и самое существование у них арго) могут быть объяснены лишь с учетом исторического прошлого этих групп, с учетом их этнографического своеобразия. С другой стороны, особенности речи этих групп,

¹ Индоарийскому языку этой группы посвящена монография автора «Фольклор и язык гиссарских парья. Введение, тексты, словарь». М., 1977. Там же содержатся сведения по этнографии этой группы.

² По группе парья /Ор. 1956а, 1956б, 1960а, 1963а/; по группе «кавол» /Ор. 1961/, по группе джуги /Ор. 1962б, 1964а/; по группе чистони /Ор. 1966а, 1971а/. См. также /Ор. 1962а, 1965, 1966б, 1967/.

отчасти их фольклор, едва ли не единственный ключ к решению вопроса об их историческом прошлом, путях миграции и т.п. Эта тесная связь этнографии, языка, фольклора³, всего комплекса историко-культурных и лингвистических дисциплин особенно остро ощущалась автором при изучении небольших, малоизученных или вовсе неизученных групп населения, и таким образом чисто лингвистическая по первоначальному замыслу работа перерастала постепенно в этнолингвистические очерки по каждой такой группе.

Каждая глава содержит сведения о расселении, историческом прошлом и этнографических особенностях данной группы, краткую сводку основных особенностей, характеризующих ее таджикский говор, материалы по диалектной и арготической речи (фольклорные тексты, краткие тексты **бытового** содержания, разговорные фразы), небольшие словари диалектной и арготической лексики с привлечением необходимого сравнительного материала. Исключения составляют главы о группе согутарош, материал по которой представлен только небольшим списком арготической лексики, и о группе парья, основные сведения о которой приводятся в упомянутой выше (прим. 1) монографии.

В специальной литературе группу джуги относят обычно к так называемым «среднеазиатским цыганам». Под этим недифференцированным термином⁴ понимались, возможно, и некоторые другие из этнографических групп, диалекты и арго которых рассматриваются в этой работе. В этой связи уместно вспомнить, что еще в 20-е гг. крупнейший наш специалист по таджикской диалектологии, ныне покойный проф. И.И. Зарубин, отмечая полное отсутствие записей по языку «цыган» Таджикистана, указывал на необходимость сбора таких материалов, как на одну из «очередных задач иранской диалектографии» /Зар. 1926/. Следует, однако, сказать, что несмотря на огромный размах и большие успехи диалектологической работы в Таджикистане, изучение говоров так называемых «среднеазиатских цыган» пока еще не начато, и автор хотел бы рассмотреть эту работу (в соответствующей ее части) как попытку подойти к решению указанной задачи.

Известная обособленность изучаемых этнографических групп от окружающего населения способствовала сохранению у них ряда специфических этнографических и языковых особенностей, особенностей, постепенно стирающихся в ходе консолидации этих групп с таджиками и узбеками. Сколько времени сохранятся еще эти специфические этнографические черты, эти особенные языки, диалекты и арго, сказать трудно; вероятнее всего, недолго. Но сегодня они еще доступны наблюдению, описанию и исследованию, и этот момент не должен быть упущен.

В ходе полевой работы автор встречал постоянное содействие со стороны советских и партийных работников, местных учителей, председателей колхозов и рядовых колхозников. При обработке материалов автор имел возможность пользоваться консультациями А.З. Розенфельд, А. Каримова, М. Махмудова и И.М. Стеблин-Каменского по таджикской областной лексике, В.В. Кушева – по афганской, И.Н. Винникова и И.Д. Амузина – по семитической, Х.Н. Ниязова и М.Ф. Фазылова – по узбекской. Материалы по арго самаркандских люли (§§ 165, 170) получены при любезном содействии Х. Икрамовой, В. Касымова и Х.Х. Назарова.

Небольшие списки арготических слов предоставлены в мое распоряжение А.З. Ро-

³ Тезис о неразрывной связи лингвистики, фольклористики и этнографии вновь и вновь подчеркивается – хотя и в несколько ином аспекте – в ряде последних работ языковедов, фольклористов и этнографов /см., например, Чистов 1970; 1971; Ареальные исследования 1971 и другие работы/.

⁴ О термине «среднеазиатские цыгане» см. ниже, гл. II.

зенфельд, А.Л. Хромовым и Б. Вердыевым (§ 118). Всем этим товарищам, а также всем лицам, помогавшим своими советами и замечаниями, автор приносит свою благодарность.

Настоящая работа закончена и представлена к печати в 1971 г. Исследования последующих лет смогли найти здесь свое отражение лишь в подстрочных примечаниях и в самом ограниченном объеме.

СОКРАЩЕНИЯ

Языки, диалекты, арго

абд.	– абдолгили – арго цеха артистов и музыкантов Средней Азии. Цит. по работе А.Л. Троицкой (Тр.)
ав.	– авестийский
авТ	– арго абдалов Восточного Туркестана. Цит. по работам Пельё (Р.), Лёкока (L e Coq) и Гренара (Г.)
англо-инд.	– англо-индийское (слово)
араб.	– арабский
арабча	– арго ферганских и ташкентских люли (на таджикской основе) Цит. по работе А.Л. Троицкой (Тр.)
арам.	– арамейский
арам.-евр.	– арамейско-еврейское (слово)
афг.	– афганский (пашто)
ашк.	– ашкун (один из кафирских языков)
бад.	– бадахшанские говоры таджикского языка
байс.	– таджикские говоры Байсунского района Узбекской ССР. Цит. по: Хамрокулов
бал.	– лексика индоязычной группы «балоджь». Цит. (с сохранением транскрипции) по работе А.И. Вилькинса (Вильк.)
барт.	– бартангский
бахт.	– бахтиярские диалекты
бел.	– белуджский
бел.-туркм.	– язык белуджей Туркменской ССР
бух.	– бухарский (диалект таджикского)
бух.-араб.	– диалект бухарских арабов. Цит. по: Винников 1962
вандж.	– ванджские (говоры таджикского)
варз.	– варзобский (говор таджикского). Цит. по: Раств. V
вост.	– восточное наречие афганского языка (пашто)
гер.-евр.	– арго гератских евреев. Цит. по: Зар. 1924а
гид.	– гидуванский говор таджикского языка
гисс.	– гиссарские говоры таджикского языка
гисс. (горн.)	– гиссарский (горный) говор (таджикского языка)
гисс. (дол.)	– гиссарский (долинный) говор (таджикского языка)
гонч.	– гончинский говор таджикского языка. Цит. по: Раств. V.
гор.	– горонский говор таджикского языка
гудж.	– гуджарати
дарв.	– дарвазские говоры таджикского языка
дерб.	– дербентский (говор таджикского)
дж.	– таджикский говор (и арго) гиссарских джуги (по записям автора)
джаг.	– джагатайский
др.-евр.	– древнееврейский
др.-инд.	– древнеиндийский

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Как уже говорилось в Предисловии, основная часть материалов к настоящей работе собрана на территории Гиссарской долины. Район исследования, уровень его изученности в этнографическом и лингвистическом отношении, условия и методы сбора материалов охарактеризованы в названных выше работах /см. главным образом Ор., Фольклор и язык/, и здесь нет необходимости возвращаться к этим вопросам.

§ 2. Гиссарская долина и прилегающие к ней с юга и юго-запада районы ограничены на севере мощным Гиссарским хребтом, труднопреодолимой вплоть до последних десятилетий преградой для сношений с северными областями Средней Азии. Напротив, открытые в сторону Амударьи речные долины всегда способствовали тесным связям между населением этих районов и населением право- и левобережья Амударьи. Эти связи, прослеживаемые на протяжении тысячелетий /см., например, Дьяконов 1954, стр. 121-140 и особенно стр. 123/, поддерживались, естественно, историко-культурной, этнической и языковой общностью между населением этих областей древней Бактрии /см., например, Кисляков 1947; 1958; Манделштам 1954/.

§ 3. Отмеченные в предыдущем параграфе тесные исторические и этнические связи между населением право- и левобережья Амударьи, географические особенности этой территории издревле способствовали торговому и культурному обмену между правобережными и левобережными областями, облегчали миграции тех или иных групп населения. Только на протяжении последних веков засвидетельствовано переселение в Среднюю Азию с левобережья (или через левобережье) Амударьи ряда арабских племен /см. Винников 1940; 1957; Волин, 1941/¹, отдельных групп белуджей /см. Варыгин 1916, 772 сл.; Гафферберг 1969, 3 сл./, хазара /см. AP¹, 178; Варыгин 1916, 772 сл.; Малицкий 1929, 68; Кармышева 1964, 96/, роццев /Богород 1956, 133/ и т.п. /см., например, Галушка 1904 (о переселении в Среднюю Азию группы «берберинцев»)/.

§ 4. В ходе таких переселений попали в Среднюю Азию из Афганистана (или через территорию Афганистана) и интересующие нас в данной работе этнографические группы.

Группы «кавол» и чистони, как и группа парья, переселились на территорию Средней Азии сравнительно недавно, на протяжении жизни несколь-

¹ См. также работы И.Н. Винникова и Г.В. Церетели о языке и фольклоре среднеазиатских арабов, Г. Джураева (Ф. Чураев) – о таджикской речи среднеазиатских арабов.

ких поколений, предшествующих старшему из ныне живущих. Члены этих групп отчетливо сохраняют память о переселении своих предков в Среднюю Азию из Афганистана. Местное население также считает представителей этих групп выходцами из Афганистана и называет их «афганцы» (*afyon*, мн.ч. *afyonlari*).

Группы джуги и согутарош также не являются, по всей видимости, аборигенами Средней Азии. Однако переселение их относится к временам столь давним, что сами они не сохранили о нем никаких воспоминаний и считают, что их предки жили на этой территории испокон веков.

§5. Как уже приходилось отмечать /Ор. 1962а, 1963, 16, 63-64, прим. 56/, термин «афгон» 'афганец' употребляется в условиях Средней Азии по отношению ко всем выходцам из Афганистана, независимо от их этнической и языковой принадлежности. Не исключено поэтому, что некоторые из имеющих в литературе или в статистических материалах сведений об «афганцах» Средней Азии /см. Ор. Фольклор и язык, §27/ могут относиться частично и к изучаемым в данной работе этнографическим группам «кавол» и чистони, равно как и к группе парья. Однако в силу отмеченной неопределенности и многозначности термина «афганец» в условиях Средней Азии, а также в силу того, что в литературе и статистических материалах ничего не сообщается, как правило, о языке населения, описываемого под этим термином, невозможно сказать, какая конкретная группа населения, связываемая по тем или иным причинам с Афганистаном, имеется в виду в каждом конкретном случае.

§6. Для изучаемого вопроса представляют также интерес сведения о различных небольших этнографических группах, переселявшихся в Среднюю Азию с левобережья Амударьи и засвидетельствованных в литературе под другими названиями. Одним из первых свидетельств подобного рода для Гиссарской долины следует, по-видимому, считать свидетельство Г. Бонвало, который во время своего путешествия по Средней Азии (80-е гг. XIX в.) отметил наличие в Гиссаре небольшого (≈ 100 человек) поселения выходцев из Афганистана, которых местное население называло «кабули» или «мульти» /Bonvalot, I, 222-224/.

Для несколько более позднего времени упоминания о наличии в Гиссарской долине и прилегающих районах небольших пришлых из Афганистана этнографических групп встречаются у С.Д. Масловского и М.С. Андреева. В своем докладе «Горные таджики (остатки первобытного населения Туркестана)» С.Д. Масловский на основе наблюдений, сделанных во время поездки по Восточной Бухаре, сообщил о кочующем племени «длинноголовых авганских люли» с негроидными признаками /см. РАЖ, 1900, № 4, 113 (информация о докладе)/. В статье этого же автора находим упоминание о «бродячем племени авганских цыган-люли», которых он наблюдал в Гиссарском бекстве и для которых характерны «кофейно-коричневая кожа, шапка курчавых жестких волос, низкий лоб, короткий, очень широкий нос, приплюснутый, с мясистыми ноздрями, толстые вывороченные губы, оттопыренные уши» долихоцефалия /Масловский 1901, 31-32/. Во время этнографической экспедиции 1921 г. в Самаркандскую область М.С. Андрееву также приходилось слышать об «аугонах-люли», показывающих дрессированных

обезьян и медведей и говорящих «между собою каким-то особым языком, непонятным для посторонних». Однако этой экспедиции «не удалось, — по словам М.С. Андреева, — встретить никого из этого племени и выяснить, говорят ли они наречием языка пушту (афганского языка) или одним из цыганских наречий» /Андреев 1924, 126/.

В отдельных случаях подобные группы проникали и в северную часть Средней Азии. Одна из таких групп, известная под названием «балюджь» и говорившая на одном из индоарийских наречий, была отмечена в 70-е гг. прошлого века в Фергане и Ташкенте русским естествоиспытателем А.И. Вилькинсом /Вилькинс, 436-461; Ор. 1964б/. Среди занятий этих «балюджей» также отмечалось вождение обезьян и медведей, и местное население также называло их «афганские люли» («ауганы-люли») или «индийские люли» («индустани-люли»). По сведениям А.И. Вилькинса, эмиграция небольших групп «балюджей»² из бассейна Инда и Белуджистана в Среднюю Азию продолжалась еще в 70-е гг. прошлого века, и путь их неизбежно пролегал через территорию Афганистана. Отмечаются также связи подобных цыганобразных групп Средней Азии с территорией Индии и Восточного Туркестана (Кашгарии). В музыкально-этнографических материалах А.Ф. Эйхгорна, собранных в Фергане и Ташкенте в 70-80-е гг. XIX в., имеются мелодии, записанные от «среднеазиатских цыган-люли». При этом отмечается, что «среднеазиатские цыгане своих песен не имеют» и поют главным образом песни народов, среди которых они живут (упоминаются песни «киргизские, таджикские, кашгарские и индусские»). В примечании к песням, записанным от двух братьев — «цыганских (люли) певцов», А.Ф. Эйхгорн сообщает: «Родители их цыгане: отец из Индии, мать из Кашгара. Сам пастух родился в Коканде, но говорил по-индийски и при пении иногда употреблял язык, непонятный моим переводчикам». В каталоге собранной им же коллекции музыкальных инструментов упоминается под № 33 «Сафайль, кольцевидная погремущка, нечто вроде систрума древних египтян. Из Кашгара. Инструмент выходцев из соседних стран: странствующих уличных фигляров, певцов, вожаков медведей, обезьян и коз» /Музыкальная фольклористика 1963, 150-154, 193/.

§7. С большей или меньшей степенью вероятности можно предполагать, что с территорией Индии связаны генетически и те небольшие этнографические группы Гиссарской долины (все или часть из них), диалектам которых посвящена настоящая работа. Хотя из всех этих групп индоарийскую речь сохраняет в настоящее время только группа парья, не исключено, что и остальные группы («кавол» или шех-момади, джуги, чистони, согутарош-хисори), родным языком которых является сейчас таджикский, были в далеком прошлом индоязычны и что утрата ими тех или иных индоарийских диалектов относится уже ко времени переселения этих групп на территорию Афганистана и Средней Азии. Аргументами в пользу такого предположения могут служить некоторые термины, применяемые по отношению к этим группам (подробнее см. в соответствующих главах), а также то обстоятельство, что в потайных языках (арго) этих групп сохраняются лексические элементы индоарийского происхождения (§§ 23-24).

² См. Ор. Фольклор и язык, §37, прим. 101.

§8. Как и в других подобных случаях, небольшие этнографические группы Гиссарской долины, жившие более или менее изолированно от окружающего населения, сохраняют часто весьма важные и весьма интересные особенности, этнографические и языковые. Известная, в некоторых случаях и значительная, обособленность групп парья, «кавол», джуги, чистони, согутарош объясняется отчасти тем, что все они являются на данной территории пришельцами (более или менее давними), отчасти – их происхождением и характером занятий (§ 9). И хотя на протяжении последних десятилетий происходит процесс постепенной консолидации таких групп с окружающим таджикским и узбекским населением, и интенсивность этого процесса заметно нарастает, известное своеобразие, некоторые специфические ремесла, традиции и пережитки, этнографические и языковые особенности этих групп все же пока сохраняются и сегодня еще доступны для изучения.

§9. Каждая из исследуемых в настоящей работе этнографических групп занималась в прошлом специфическим промыслом и вела соответствующий этому промыслу образ жизни. Группа парья издавна ведет оседлый образ жизни и занимается земледельческим трудом; группа «кавол» занималась в основном мелкой торговлей вразнос; группа согутарош – изготовлением и продажей щепного товара; джуги вели бродячий образ жизни, мужчины занимались отчасти ювелирным ремеслом, женщины – нищенством и гаданием; группа чистони (или какая-то часть этой группы) занималась в прошлом и воровскими операциями. Принадлежность к той или иной из перечисленных этнографических групп определяла в прошлом и род занятий каждого члена такой группы – явление, пережиточно сохраняющееся в какой-то мере и поныне. Это обстоятельство находит свое отражение и в тех наименованиях, которые присваиваются указанным группам окружающим населением. Так, по отношению к группе парья употребляются названия *afḡono-yi nosfurus* (*nosfurus*) ‘афганцы – продавцы «нас»’, *čač-garak/čačgarak* ‘работники, провеивающие зерно’ и т. д. /Ор., Фольклор и язык, §§ 26–28/; по отношению к группе «кавол» – *afḡono-yi rangfurus* ‘афганцы – продавцы краски’, *afḡono-yi marjonfurus* ‘афганцы – продавцы кораллов (коралловых ожерелий, бус и других украшений)’; термин «согутарош» (*soḡutaroš*), употребляемый по отношению к одной из групп, рассматриваемых в настоящей работе, означает буквально ‘мастер, вытесывающий согу (особой формы деревянный сосуд)’ и т. д. Не исключено, что и термин «кавол», применяемый по отношению к группе шех-момади, обозначал первоначально род занятий этой группы (см. гл. 1).

При этом представление о принадлежности к той или иной этнографической группе, по существу, неотделимо от представления о принадлежности к соответствующей профессиональной корпорации³. И то и другое часто соединяется в сознании с признаками религиозной принадлежности, проис-

³ Как справедливо указывают этнографы, «хозяйственно-культурные особенности народов часто выступают в качестве этноразделяющих признаков, создавая социальные барьеры, способствующие изоляции менее развитых народов» /Брук-Чебоксаров-Чеснов 1969, 94/.

хождения из определенной местности и т. п. Поэтому термины, обозначающие ту или иную этнографическую группу могут иметь наряду с этническим и совершенно иное содержание (указание на профессию, религиозную принадлежность, секту, дервишеский орден и т. п.). И наоборот, термин, указывающий на характер занятий той или иной группы, может приобретать в большей или меньшей степени значение этнонима. Все это очень напоминает систему мусульманских каст Индии и Пакистана⁴, и имеются основания полагать, что некоторые из изучаемых этнографических групп (или их подразделений) происходят в конечном счете от индусских каст (преимущественно, низших), перешедших с целью избавления от кастовых ограничений в ислам⁵, но сохранивших многие черты кастовой организации (так называемые «мусульманские касты»). Не исключено, что осколком такой мусульманской касты является, например, группа «кавол» (шех-момади). В связи с самоназванием этой группы (шех-момади) следует упомянуть о том, что термин «шейх» часто употребляется в Индии и Афганистане по отношению к новообращенным мусульманам⁶.

§10. Помимо наименований, указывающих на профессиональный род занятий той или иной группы, по отношению к ней применяются обычно и другие названия, отражающие те физические ее особенности (*afḡono-yi siyopust* ‘темнокожие афганцы’, *afḡono-yi siyoruj* ‘темнолицые афганцы’), то представления о происхождении данной группы (*hindustoniyo* ‘хиндустандцы’ – по отношению к группе парья) или о связи ее с той или иной местностью (*šajmoni* ‘лагманцы’ – по отношению к группе парья; *multoni* ‘мультавцы’ – по отношению к группе джуги), с тем или иным пиром (*tabrizi* ‘мюриды шейха Шамси Табризи’ – по отношению к группе парья), с принадлежностью к той или иной мусульманской касте или ордену (*šex-momadi* – по отношению к группе «кавол») и т. п. К этому следует прибавить еще самоназвание (самоназвания) отдельных этнографических групп и названия ее подразделений, употребляемые зачастую как наименование для всей группы. При этом нередко среди различных групп населения и в различных районах по отношению к одной и той же этнографической группе употребляются различные наименования, и, наоборот, один и тот же термин служит часто для обозначения различных групп /см., например, Ор. 1971б/. Бывает и так, что один и тот же термин употребляется двумя этнографическими группами по отношению друг к другу. Таков, например, термин «чачгарак (чашгарак)», употребляемый представителями группы парья по отношению к группе «кавол» и представителями группы «кавол» по отношению к группе парья; или термин «мазанг», употребляемый представи-

⁴ Ср., например, у М. К. Кудрявцева: «Основная масса мусульманских каст – это касты профессиональные» /Кудрявцев 1965, 225/.

⁵ Ислам не признает, как известно, кастовых различий.

⁶ См. /Кудрявцев 1965, 220/. В указанном значении употребляется этот термин (*šajx*, *šex*) и в хиндустани /Platts, s. v.; Hobs.-Jobs., 825/, и в афганском языке /Асл. АРС, s. v./.

Термином *šex* обозначают также обращенных в ислам кафирских иммигрантов в нескольких селениях Читрала /Morg., Report II, 30/.

телями группы парья по отношению к джуги и, наоборот, представителями группы джуги по отношению к парья.

Обилие терминов, применяемых по отношению к различным этнографическим группам, сбивчивость в их употреблении, отсутствие сколько-нибудь четкой дифференциации между терминами, обозначающими этническую, профессиональную, религиозную (возможно, также кастовую) принадлежность или территориальное происхождение той или иной этнографической группы – явление, чрезвычайно характерное для Средней Азии. Это явление нередко приводит к путанице в употреблении тех или иных терминов, что находит свое отражение и в литературе (см., например, гл. II).

§ 11. Родным языком этнографических групп «кавол» (шех-момади), гиссарских джуги, чистони и согутарош, как и вторым родным языком группы парья, является таджикский в тех или иных диалектных его разновидностях. Никаких сведений о таджикских говорах этих групп в литературе пока не имеется. Выше (§ 8) уже говорилось об известной обособленности этих групп от коренного населения Гиссарской долины. Эта обособленность способствует или, во всяком случае, вплоть до последнего времени способствовала сохранению, несмотря на малочисленность этих групп, ряда диалектных особенностей, отличающих их таджикскую речь от речи окружающего таджикского населения. Изучение диалектологических материалов позволяет выявить специфические черты, характерные для говоров групп парья, «кавол», джуги и чистони.

Три группы из числа перечисленных (группы парья, «кавол» и чистони) переселились на территорию Средней Азии сравнительно недавно (см. § 4), и их говоры еще сохраняют некоторые специфические черты, свойственные, как можно думать, таджикским говорам Афганистана. Это обстоятельство имеет особое значение потому, что успехи таджикской диалектологии за последние десятилетия, успехи, неоднократно и по достоинству отмечавшиеся в литературе, ограничиваются изучением таджикских говоров на территории Советского Союза. Огромный же массив таджикских (таджикско-персидских) говоров, распространенных на территории Афганистана, остается еще почти совершенно неизученным. И вот осколки этого диалектного массива, занесенные на нашу территорию небольшими группами, позволяют, как кажется, составить известное представление о некоторых характерных чертах таджикско-персидских говоров Афганистана. Разумеется, необходимо иметь при этом в виду самые разнообразные и самые противоречивые диалектные влияния, испытываемые говорами небольших этнографических групп, оказавшихся в чрезвычайно пестрой этнической и языковой ситуации, сложившейся в районах Гиссарской долины /см. Ор., Фольклор и язык, §§ 4, 128/.

§ 12 В 1928 г., когда таджикская диалектология делала еще первые свои шаги, основоположник этой науки, проф. И.И. Зарубин, приступая к описанию таджикского говора самаркандских евреев, писал: «Задача/ могла бы быть значительно упрощена, если бы в литературе уже существовало монографическое описание хотя бы одного из таджикских говоров. Тогда можно было бы ограничиться простым перечнем еврейских особенностей таджикской речи. К сожалению, таджикской диалектографией эта работа еще не вы-

полнена... По необходимости пришлось описывать все существенные факты самаркандско-еврейской речи, как обще-таджикские, так и специфически ей свойственные, придавая предлагаемому очерку характер описания одного из таджикских говоров» /Зар. 1928, 96/. За истекшие с этого времени сорок лет изучение таджикского языка и, в частности таджикская диалектология, достигли такого уровня развития, что сегодня было бы уже нецелесообразно включать в описание интересующих нас говоров факты общетаджикские, известные по описаниям современного таджикского литературного языка и многочисленных таджикских диалектов. Автор не ставил поэтому своей целью дать сколько-нибудь полное описание говора каждой из этих групп и ограничивал себя фиксацией лишь тех особенностей, которые характеризуют данный говор сравнительно с таджикским литературным языком в той стандартной его форме, которая отражена таджикско-русским словарем 1954 г. /ГРС/ и приложенной к нему грамматикой. Как представляется, такая система описания позволяет более экономно и в то же время более рельефно выделить специфические черты каждого из этих говоров, отделяющие его от таджикского литературного языка⁷.

Там, где это представлялось целесообразным, привлекались также сравнительные материалы по другим таджикским говорам, преимущественно говорам Гиссарской долины⁸, Южного Таджикистана и Северного Афганистана. Именно эта группа таджикских говоров дает ближайшие параллели к говорам изучаемых этнографических групп. Это, конечно, не случайно. Выше (§§ 2-3) уже говорилось о тесной историко-культурной, этнической и языковой общности областей лево- и правобережной Бактрии. К северо-востоку от этих районов, за Гиссарским хребтом, лежала древняя Согдиана, и Гиссарский хребет был естественной границей между двумя этими важнейшими историко-культурными областями расселения предков таджикского народа. И так же как в древности этот хребет служил границей между согдийскими и бактрийскими диалектами, так в новое время он разделяет на две основные группы (северную или северо-западную и южную или юго-восточ-

⁷ За отправной пункт при сравнении по необходимости приходится брать таджикский литературный язык в стандартной письменной его форме. Методически, вероятно, правильнее было бы отталкиваться от описания общеразговорного таджикского языка, но такого описания пока не существует и, по-видимому, оно и не может быть создано в обозримом будущем.

⁸ К сожалению, таджикские говоры Гиссарской долины и примыкающие к ним с запада таджикские говоры бассейна Сурхандарьи остаются пока еще малоизученными. Относящиеся к 1952 г. слова В.С. Расторгуевой о неисследованности в диалектологическом отношении почти всей центральной части Таджикистана /Раст. I, 19, примеч. 1/ остаются в значительной мере справедливыми и по сей день. Из многочисленных таджикских говоров Гиссарской долины и бассейна Сурхандарьи описаны пока только говоры Гиссарского (Успенская) и частично Байсунского (Хамрокулов) районов. В отношении других таджикских говоров, распространенных на территории СССР, автор ограничивался по возможности отсылками к сводной работе В.С. Расторгуевой /Раст., Опыт/.

ную) говоры таджикского языка⁹. С этим выводом хорошо увязываются и данные исторической диалектологии иранских языков /см. Зар. 1924; Соколова 1954, 33; Роз., Дарв., 222; Роз., Вандж., 141 сл.; Роз. 1956, 273 сл.; Ор. 1960, 222, 235 сл., 386; 1963, 185 сл./, и данные топонимики /см. Хромов 1962, 74 сл.; 1963, 76-82; Роз. 1962, 66 сл.; 1964, 175 сл./.

§13. Весь публикуемый диалектологический материал приводится в фонетической транскрипции, воспроизводящей звучание речи так, как она была воспринята при записи. Сохранены даже явные оговорки рассказчиков, случаи несогласования, повторения отдельных слов и т.п. Автор не считал себя вправе производить при обработке полевых записей какую бы то ни было унификацию, даже в тех случаях, когда разноречие наблюдался в записях одних и тех же слов или грамматических форм, произнесенных одним и тем же лицом. Помимо сказанного выше (§11) о многообразных и противоречивых диалектных влияниях, испытываемых говорами этих групп, нельзя не принимать в расчет также фактор двуязычия, индивидуальность диктора, его возраст, уровень образования, стиль речи, обстановку записи и многие другие обстоятельства, совокупность которых определяет большую или меньшую выраженность специфических диалектных черт, употребление (даже в речи одного и того же лица) тех или иных дублетных слов, дублетных произносительных вариантов¹⁰ и грамматических конструкций /ср. Ор. 1971в, 185 сл.; Фольклор и язык, §125). Многие специфические диалектные черты предстают поэтому в стертom виде, и анализ их сопряжен с рядом значительных трудностей.

§14. К числу пережиточных и весьма характерных явлений, устойчиво сохраняющихся среди групп «каво», джуги и чистони, относится наличие

⁹ М.С. Андреев /Андреев 1930, 60-63/ считал такой границей не Гиссарский, а параллельный ему Туркестанский хребет, однако уже М.С. Андрееву было ясно, что бытующие между двумя этими хребтами говоры верховьев Зерафшана носят промежуточный характер, примыкая по различным признакам то к северной, то к южной группе. При всех уточнениях и дополнениях, предложенных за последнее время к классификации М.С. Андреева /см. теперь главным образом Раств., Опыт, 154 сл./, Гиссарский хребет по-прежнему может en gros рассматриваться как разграничительная линия между двумя основными массивами таджикских говоров, распространенных в пределах Советского Союза. Насколько можно судить по имеющимся материалам, таджикские (таджикско-персидские) говоры левобережья Амударьи во всем основном примыкают к южным (по классификации Андреева) таджикским говорам СССР /Ср. Ефимов 1971, 46/.

¹⁰ При оценке случаев разноречия в произношении, особенно в произношении гласных, нельзя, разумеется, исключать и возможность ошибок, допущенных при записи. Ср. замечание крупнейшего нашего исследователя бесписьменных иранских языков и диалектов Средней Азии, признанного фонетиста, проф. И.И. Зарубина: «...приходится считаться не только с возможностью, но даже с неизбежностью ошибок в передаче гласных и их оттенков иногда весьма деликатных» /Зар. 1937, 5/.

у них особых секретных, или потайных, языков (арго). Небольшой список арготической лексики, совпадающий во всем основном с арготическим лексиконом группы джуги, собран также во время работы с представителями группы согутарош-хисори. Остается, однако, неясным, является ли этот арготический лексикон давним и относительно независимым достоянием группы согутарош или же он сравнительно недавно усвоен этой группой (или отдельными ее представителями) от джуги.

§15. Среди групп «каво», джуги и чистони (равно как и у самаркандских люли) эти потайные языки (арго) бытуют наряду с их таджикскими говорами и используются в тех случаях, когда содержание речи должно быть скрыто от посторонних. В той или иной мере этими арго владеют и маленькие дети; мне известны также случаи, когда арготический лексикон группы «каво» усваивался в какой-то мере таджиками, вышедшими замуж за представителей этой группы /см. Ор. 1961, 67/.

Как и в других подобных случаях, собственная сфера арго ограничивается лексикой: арго паразитируют на родном языке (диалекте) арготирующей группы, пользуясь его звуковой системой и грамматическим строем /Жирмунский 1936, 120/. Арго – это как бы вторичная, искусственно созданная лексическая система, осуществляющая для арготирующей группы с общеразговорной лексикой и заменяющая в случае надобности последнюю. Может быть, было бы поэтому правильнее говорить не о секретных (тайных) языках, а о секретных (потайных) словарях (лексических и словообразовательных системах), используемых теми или иными группами с целью закрепления своей речи, ведущейся, разумеется, на родном языке или диалекте данной группы. Каждое слово этого потайного арготического лексикона служит семантическим эквивалентом того или иного слова общеразговорной лексики и в случае необходимости эти «тайные», «секретные» слова вводятся в разговорную речь, замещая соответствующие по значению слова общеразговорного языка. Таким образом, единственным отличием арготической речи от общеразговорной является насыщение ее большим или меньшим количеством элементов арготического словаря. Никаких изменений в фонетическом или грамматическом облике диалекта, служащего базой для данного арго, при этом не происходит¹¹.

§16. Арго является языком конспиративным и представляет профессиональную тайну арготирующей группы /ср. Жирмунский 1936, 119/. Именно поэтому сбор материалов по различным арго, особенно в условиях Средней Азии, сопряжен со значительными трудностями. Представители групп «каво» и чистони совершенно отчетливо осознают функции своего арготического словаря и четко отличают лексику общеразговорную от арготической, определяя последнюю как принадлежащую к «воровскому языку»

¹¹ Таким образом, имеющиеся в моем распоряжении материалы по различным арго Средней Азии на персидско-таджикской основе не подтверждают точку зрения проф. Б.А. Ларина об арго как о «смешанных языках», имеющих «свою фонетику и морфологию». Эти материалы не согласуются также с «представлением об арго, как о двуязычии, при котором арготический ряд принимается за основной и исходный» /Ларин 1928, 71/.

(*zabon-i duzdī*). Ср. также употребленный одним из дикторов (группа парья) термин *zabon-i panoyī* 'потайной язык'. Устойчивое бытование арго среди групп «кавол», джуги, чистони и в какой-то мере в группе согутарош объясняется, естественно, социальными условиями, образом жизни и характером занятий, присущим этим группам в относительно недалеком прошлом (9). Как и группы бродячих торговцев, ремесленников, странствующих актеров, нищих в других странах, этнографические группы «кавол», джуги, чистони, согутарош использовали арго в качестве своеобразного орудия профессиональной деятельности и самозащиты. В данном случае к этим причинам прибавлялось еще и то обстоятельство, что для окружающего населения эти этнографические группы были чужеродным, а в некоторых случаях (как, например, группа джуги) и гонимым элементом.

Группа парья по роду своих занятий (исконные земледельцы) вряд ли испытывала когда-либо потребность в создании или использовании особого потайного языка. К тому же родной их индоарийский язык, непонятный для окружающего таджикского и узбекского населения, всегда обеспечивал возможность скрыть в случае надобности содержание речи от посторонних. Не исключено, однако, что какие-то элементы арго имелись в прошлом и у этой группы (или у некоторых ее подразделений). В настоящее время никаких признаков бытования среди членов группы парья особого арго обнаружить не удалось, и лишь один из дикторов смог назвать два слова, относящиеся, по его мнению, к потайному языку (*zabon-i panoyī*) – *segvō* 'мясо'¹² и *tupī* 'хлеб'. Если у группы парья (или каких-то ее подразделений) и существовало некогда особое арго, остатками которого являются, возможно, эти два слова, то логично предположить, что бытование его среди членов этой группы могло иметь место в то время, когда парья жили среди других индоязычных племен и народностей и должны были по тем или иным причинам использовать непонятный для этого индоязычного населения арготический лексикон.

§ 17. Наукой уже накоплен известный материал по различным арго Средней Азии и стран Ближнего Востока. Достаточно полный обзор литературы предмета по состоянию на 30-40-е гг. нашего века дан в работах С.И. Климчицкого /Климчицкий, 1940, 104 сл./ и А.Л. Троицкой /Тр., 251 сл./, и здесь нет необходимости останавливаться на этом вопросе¹³. Ограничим-

¹² В языке парья 'мясо' обозначается тем же словом (*gōvī*), что и в таджикском. Отсюда и потребность в использовании при необходимости арготического эквивалента, непонятного для окружающего населения.

¹³ Нет необходимости останавливаться также на вопросах социальной сущности и условий функционирования арго, вопросах, подробно освещенных в обширной литературе, основанной на материалах по многочисленным арго России и Западной Европы. В изучении этих вопросов приняли участие многие видные зарубежные и отечественные языковеды, в том числе такие крупные ученые, как И.А. Бодуэн де Куртенэ, Е.Д. Поливанов, В.И. Чернышев, Б.А. Ларин, В.М. Жирмунский, Д.С. Лихачев и др. Сводку материалов на середину 30-х гг. XX в. см. у В.М. Жирмунского /Жирмунский 1936, 105 сл.; там же, стр. 285 сл. – литература вопроса/. После почти двадцатипятилет-

ся поэтому указанием лишь на работы, содержащие материалы по арго Ирана, Средней Азии и Афганистана на перс- или таджикоязычной основе и частично упущенные авторами упомянутых обзоров (или же вышедшие в свет уже после их появления). В известной мне литературе материалы подобного рода были впервые опубликованы в 1857 г. в статье А. Гобино /Gobineau, 695-696/. Эти материалы представляют небольшой список арготических слов, собранных среди «цыган» Ирана. Списки арготических слов, употребляемых «цыганами» (или цыганообразными группами) Ирана публиковались впоследствии П. Сайксом /Sykes 1902-1906; см. также Dames 1902/ и В.А. Ивановым /Ив. I, 439-455; стр. 444 – критика материалов Сайкса; Ив. II, 281-291/. В.А. Ивановым и А.А. Ромаскевичем были опубликованы также материалы по арго иранских дервишей /Ив. IV, 243-245; Ром. 1945/. Сведения о различных условных языках Ирана содержатся также в работе Филлота /Phyllott 1907/¹⁴. В дополнение к названной статье Филлота Ю.Н. Марр сообщил несколько слов и выражений условного языка мясников Ирана /Марр I, 83/¹⁵. Известно также о существовании в персоязычных странах «паразитических» говоров, свойственных определенным социальным слоям и ремесленным корпорациям. Типичным образцом таких говоров может служить арго деклассированных элементов, называемое в Тегеране *zaban-e latī*¹⁶.

Еще более скудными являются сведения об арго на территории Афганистана. Между тем наши материалы по арго переселившихся на территорию Средней Азии и Афганистана групп «кавол» (шех-момади) и чистони не оставляют никаких сомнений в существовании этих и подобных им арго и в Афганистане. Несомненно пользуются арготическим лексиконом и некоторые группы еврейского населения Афганистана, о чем может свидетельствовать опубликованный И.И. Зарубиным список слов «языка гератских евреев» /Зар. 1924а/. Совпадение некоторых лексических и словообразовательных элементов этого списка с соответствующими элементами исследуемых в настоящей работе арго подтверждает предположение о том, что данный список представляет не что иное, как арготический лексикон еврейского населения

него перерыва в разработке у нас вопросов социальной диалектологии эта тема вновь привлекает с начала 60-х гг. внимание многих советских языковедов. См., в частности, работы Д.С. Лихачева /Лихачев 1964/, Д.И. Алексеева, В.Д. Бондалетова и др.

¹⁴ Первая часть этой статьи переведена на русский язык Ю.Н. Марром /Марр I, 80-82/.

¹⁵ Имеют свой секретный язык и мясники Средней Азии. В 1962 г. известный наш специалист по этнографии Средней Азии Е.М. Пещерева передала мне список слов и выражений секретного языка мясников (*хассоб тили*), записанный ею в Шахрисябзе. Это арго построено на узбекский основе, и потому анализ его не включается в данную работу. Арго касты мясников (*qasā'iyyō-ki farsī*), базирующееся на хиндустани, засвидетельствовано также в Индии /см. LSI, vol. XI, 156 сл./.

¹⁶ Об иранских луги см. Arasteh 1961.

Афганистана (или, во всяком случае, Герата)¹⁷. По расспросным сведениям арго бытовало в прошлом также среди некоторых групп евреев, переселившихся в Среднюю Азию из Афганистана.

Первые сведения по арготической лексике Средней Азии были собраны в 70-е гг. прошлого века А.И. Вилькинсом, опубликовавшим небольшой словарь языка ферганских люли /Вилькинс, 449-451/. Материалы А.И. Вилькинса были дополнены 70 лет спустя А.Л. Троицкой, посвятившей специальную работу тайному языку цеха артистов и музыкантов Средней Азии (на узбекской основе) и записавшей также некоторое количество слов из потайного языка (на таджикской основе) ферганских и ташкентских люли (*arabca, javz-i muʿyat*) /Тр., 256-257/¹⁸. С.И. Климчицкий упоминает (без приведения материалов) также о том, что особые арго существовали в таджико-узбекоязычной среде лошадиных барышников и воров г. Самарканда /Климчицкий 1940, 105/. Ему же принадлежат интересные сведения о секретных языках у ягнобцев и язгулемцев /Климчицкий 1940/¹⁹. Не исключено, что особое арго имелось (а возможно, сохраняется в какой-то мере и по сей день) у «белуджистанских цыган» лури, живущих среди белуджей Туземни /Гафферберг 1969, 17-18/.

§18. Таким образом, к 50-м гг. XX в. опубликованные материалы по арго Средней Азии на таджикоязычной основе ограничивались списками арготических слов ферганских и ташкентских люли, собранных А.И. Вилькинсом и А.Л. Троицкой²⁰. Эти материалы пополняются теперь сведениями об арго гиссарских джуги, согутарошей-хисори, групп «каволь» и чистони,

¹⁷ См. Ор. 19626. К этому же выводу пришел в 1968 г. Ж. Лазар /Lazar 1968, 77/. Аналогичное арго, базирующееся, однако, не на таджикском, а на татском языке, засвидетельствовано у горских евреев Кавказа /см. Миллер, 1929/. По имеющимся сведениям, это арго было занесено на Кавказ выходцем из Гилана.

¹⁸ О потайном языке среднеазиатских «цыган» (арабча) упоминает также В.Е. Владыкин /Владыкин 1969, 208/.

¹⁹ Относительно секретного языка у язгулемцев см. теперь также Эдельман 1966, 135 сл.

²⁰ Отвлекаемся здесь от различных детских, школьных, студенческих, специально девичьих и прочих жаргонов, основанных, как правило, на вставке в середину слова или прибавлением к слову особых слогов (обычно с согласным *z-*), затемняющих смысл речи. Ср., например, на Вандже: *tu-zu ki-zi ʃo-zo me-ze rä-zäi* (*tu kiʃo meräi*) «Ты куда идешь?» /пример заимствован из работы: Н. Sköld 1936, 5, Ann 1 /; или в Каратегине: *čizgi mezgi guzgu yazgad* «Что (он) говорит?» (*čī meɣuyad*); *məškin meške gušku yaškam kiški yaška ʃoško miške reškem* «Я говорю, сходим(де) в одно место» (*mən meɣuyam ki yak ʃo merem*) (любезно сообщено А.З. Розенфельд). Сведения о такого рода жаргонах, распространенных под различными названиями (*zäbän-e zargari* «язык ювелиров», *zäbän-e moʻʻi* «птичий язык», *zebün-e bazzözi* «язык баззазов – торговцев бумажной мануфактурой» и т.п.) среди различных групп населения (преимущественно среди ремесленников и мел-

приводимыми в настоящей работе²¹. При этом, если материалы по арго Ирана, Средней Азии и Афганистана на персо- или таджикоязычной основе, опубликованные в указанной выше литературе, состояли, как правило, только из списков слов²², то в настоящей работе эти материалы приводятся главным образом в форме связной речи (разговорные фразы, диалоги, небольшие тексты бытового содержания). Следует, разумеется, иметь в виду, что по самой своей функции арго не предназначены для сколь-нибудь длительного рассказа. Обычно это две-три короткие фразы, которыми обмениваются в случае необходимости представители арготирующей группы. Поэтому приводимые ниже связные тексты на арго имеют, как мне представляется, оттенок некоторой искусственности. Это относится и к некоторым фразам, которые переводились дикторами по моей просьбе с таджикского языка, когда нужно было уточнить значение какого-либо слова или получить нужную грамматическую форму.

§19. Арго гиссарских джуги (*ʃugij*) совпадает во всем основном с арго ферганских и ташкентских люли (*arabca, javz-i muʿyat*). Известным по работам А.И. Вилькинса и А.Л. Троицкой. Имеющиеся в моем распоряжении материалы по арго бухарских джуги и самаркандских люли (§§118, 165, 170) также указывают на полную (или почти полную) идентичность их с арго гиссарских джуги. Таким образом, можно считать установленным, что арго группы джуги (люли) однообразно на всей территории Средней Азии /ср. Назаров 1970, 11/. Очень близко к этому арго и известное по работам В.А. Иванова арго цыган Восточного Ирана.

Напротив, арго групп чистони (*čistonigi*) и «каволь» (*qavoli*) заметно от-

личаются от арго гиссарских джуги и в различных районах Ирана и Средней Азии довольно многочисленны /см., например, Пантусов 1889; Phillott 1907; Ромаскевич 1921, 211; Ив. IV и др. работы/. См., в частности, новейшую работу А.Л. Хромова /Хромов 1976/. Об аналогичных «языках» на Кавказе («девичий язык» в осетинском, «бесовский» или «вороний язык» в грузинском) сообщают Г.С. Ахвледиани /Ахвледиани 1960, 43 сл./, в Афганистане и Читрале – Г. Моргенштерне /Morg. Report I, 83; Report II, 35; IFL, III/I, 1967, 15 note a/ и др. авторы. Однако по своему характеру, функции и условиям бытования такие жаргоны, являющиеся скорее средством забавы, языковой игры, резко отличаются от арго обособленных этнографических групп, изучаемых в настоящей работе.

²¹ По расспросным сведениям, особое арго имелось в прошлом и у выходцев из Афганистана – хазара, учившихся до революции в Гиссарском медресе (полевые записи 1961 г. Кишлак Чузы б. Шахринауского р-на).

²² Лишь в одной из названных работ В.А. Иванова /Ив. I, 455/ приведен небольшой связный текст. Несколько фраз на арго ферганских люли имеется также в работе А.И. Вилькинса /Вилькинс, 451/. Шесть коротких фраз на дервишеском арго удалось записать в 1914 г. в Исфагане проф. А.А. Ромаскевичу, что покойный ученый считал «новым и ценным» /Ромаскевич 1945, 142/.

личаются как друг от друга, так и от арго группы джуги. Эти отличия отчетливо осознаются и самими носителями изучаемых арго. Так, например, представители группы чистони отмечали, что *danar* 'жена', 'женщина', *gada* 'осел' — это «по-джугийски» (*jugigi-ya*), а, скажем, *yibit-um* 'моя жена' — это «по-чистонийски» (*čistonigi-ya*). В селении Барнообод (Зайнабабадский кишлачный совет б. Сталинабадского р-на) живет замужем за джуги женщиной по имени Бибигуль, происходящая от брака представителя группы «кавол» с женщиной из группы джуги. Зная с детства (по дому отца) арго группы «кавол», она овладела, выйдя замуж, и арго группы джуги, однако не смешивает их. По моей просьбе Бибигуль переводила с одного арго на другое отдельные слова (например, *supol* = *hor'yul* 'лицо', первое на арго *qa voli*, второе на арго *jugigi*) и даже целые фразы. Приводимая ниже таблица 1 может дать представление о расхождении в арготическом лексиконе различных арготирующих групп Средней Азии и Ирана²³.

§ 20. В то же время отчетливо выявляется слой арготической лексики, общий для различных арго Средней Азии, Ирана и Афганистана. Многие лексические элементы, употребляемые в арго групп «кавол», джуги и чистони, оказываются общими для арготических лексиконов этих групп, различаясь лишь более или менее значительно по своему фонетическому облику, а иногда и полностью совпадая по звучанию. Эти же лексические элементы встречаются в абдолти — арго цеха артистов и музыкантов, религиозных рассказчиков (*maddoh*) и нищенствующих дервишей (*qalandar*) Средней Азии, известном по работе А.Л. Троицкой /Тр., 251 сл./, в арго персидских цыган и дервишей, известным главным образом по работам В.А. Иванова и А.А. Ромаскевича (см. § 17). Как уже упоминалось (§ 17), отдельные лексические и словообразовательные элементы исследуемых в настоящей работе арго совпадают и с соответствующими элементами арготического лексикона гератских евреев.

Лексическая общность между потайными языками различных арготирующих групп Средней Азии и Ирана не осталась незамеченной исследователями²⁴. Уже А.И. Вилькинс, записавший в 1874 г. небольшой (около 15 слов) арготический лексикон бухарских бачей (публичных танцовщиков и певцов), отметил общность его с арготическим лексиконом ферганских людей /Вилькинс, 447/. Это же явление было отмечено впоследствии (без ссы-

23 При передаче слов, извлеченных из различных источников, здесь, как и в дальнейшем, сохраняется транскрипция авторов. Слова, засвидетельствованные в одном и том же арго в нескольких фонетических вариантах, приводятся в таблицах, как правило, лишь в одном из вариантов. Глаголы приводятся в форме основы настоящего времени. Если основа настоящего времени не засвидетельствована, глагол дается в форме основы прошедшего времени, что в каждом случае оговаривается.

24 Аналогичное явление наблюдается и при сопоставлении многочисленных арго различных групп бродячих торговцев, ремесленников, странствующих певцов и артистов, деклассированных элементов (нищих, бродяг, воров и т.п.) Западной Европы и России /см., например, Жирмунский 1936, 140 сл./.

Таблица 1

Значения	Арго группы «кавол» (Куляб)	Арго гиссарских джуги (jugig')	Арго группы чистони (čistonig')	Перс.-цыг. (по Ив. I, II)	Перс.-дерв. (по Ив. III, IV)
вода	ube	mayob	madaq	myonew	moi
деньги	ispin	yakan	pola		yakan
дом	duka, duki	dela	dela		wodi
есть, пить	čam-	oxol-	oxol-		
жир, масло	čarpiki	šahimo	čarbošo(n)		machal
корова	čuyi	jugai	turun(k)	guŕ	parak
курица	kurkaki	gul	čumari	čumuri	pereki
лошадь,	gora	dova	daba, gulak	gōrō	gure
конь	bakra	manktoz	kālda		azak
мальчик,			mak		
сын:	rasuk	mak	mas(s)ə		lahmegi
муж	lomaki	duhut		gerā	kapar
мясо	kerəkək	gedar			yadā
осел	los	yadak	lās		kowro
рука	čamlač, dodi	harsit	dudač		
хлеб	supol	hor'yul			
лицо					

ки на наблюдение А.И. Вилькинса) А.Л. Троицкой, давшей список более 50 слов, общих для словаря абдолтили и аргю ферганских и ташкентских люли (*arabča*), и указавшей на несомненную «близость и общность» двух этих аргю /Тр., 256-257/. На наличие общих слов, употребляемых так называемыми персидскими цыганами, дервишами, некоторыми цехами ремесленников, нищими и ворами в Иране, и на тесную связь, существующую между аргю всех этих групп, неоднократно обращал внимание В.А. Иванов /Ив. I, 445; Ив. III, 375; Ив. IV, 243/. Как указывает проф. А.А. Ромаскевич, жаргон иранских дервишей «является секретным кодом не только дервишей, но и некоторых цехов ремесленников, нищих и воров» /Ромаскевич 1945, 141/.

В 1922 г. В.А. Ивановым была опубликована статья, содержащая сведения о средневековом сочинении «*Kitāb-i sāstān*», обнаруженном им на полях одной из рукописей (ориентировочно XVI в.) в Карши. Как выяснилось, сочинение представляет арготический словарь с переводом арготических слов на персидский язык /Ив. III/. В этой же статье были отмечены слова, общие для современных аргю персидских цыган и дервишей и для этого словаря. Тем самым получило твердую опору предположение о том, что близость между арготическими лексиконами «персидских цыган» и дервишей объясняется не заимствованиями и не влиянием одного аргю на другое, а тем, что оба они восходят к одному и тому же древнему потайному языку, различными модификациями которого они являются /Ив. IV, 243/.

Другим, по-видимому, списком «*Kitāb-i sāstān*» (возможно, оригиналом), хранившимся ныне в Институте востоковедения АН Узбекской ССР и датированным 745/1344 г. /СВРАН УзССР I, 196-197/, пользовалась А.Л. Троицкая, давшая подробный разбор этого сочинения /Тр., 257 сл./²⁵. Словарь «*Kitāb-i sāstān*» состоит из девяти тематических разделов (названия частей тела, животных, продуктов, городов и местностей и т.п.), в каждом из которых приводятся соответствующие слова на аргю *sāstān*²⁶ с переводом их на персидский язык. Существенно отметить, что раздел словаря, посвященный названиям городов и местностей, содержит условные («защекренные») названия Самарканда, Мерва, Бухары, Герата, Нишапура, Рея, Балха, Джурджана, обстоятельство, позволяющее судить об ареале этого аргю. Как предполагает А.Л. Троицкая, «в XIV в. *sāstān*, пользовавшиеся данным аргю, состояли из различных странствующих актеров, дервишей, воров, бродяг и т.п. деклассированных элементов» /Тр. 260/²⁷.

²⁵ Помимо раздела, посвященного собственно аргю *sasian*, это сочинение содержит также раздел об аргю секты *ālg ilāhī*.

²⁶ А.Л. Троицкая переводит это слово как «нищие», не вполне точно указывая, что оно является формой мн.ч. от *sās* «насекомое-паразит» (ср. н.-перс. *sāsān*, совр. тадж. *сосон* «отшельник», «нищий», «дервиш»). Ср. сведения о «воровской» группе или племени (*criminal tribe*) *sāsī*, отмеченной в Пенджабе и пользующейся особым аргю /см. I SI, vol. XI, 6, 60/.

²⁷ Там же сведения о касыде Абу-Дулафа (X в.), написанной на аргю бану сасан – средневекового цеха нищих, бродяг, странствующих актеров, фокусников и т.п. Помимо указанной А.Л. Троицкой литературы об этом цехе см. теперь также Булгаков–Халидов 1960, 13-14, 22-23 и др.

Сопоставив имеющиеся в литературе данные об арготической лексике цыган и дервишей Ирана и абдалов Восточного Туркестана со своими материалами по потайным языкам цеха артистов и музыкантов Средней Азии (абдолтили), ферганских и ташкентских люли (арабча, лавз-и мугат) и с арготическим словарем «*Kitāb-i sāstān*», А.Л. Троицкая пришла к выводу о «несомненном родстве и близости тайного языка сасанов XIV в.» с указанными современными аргю Средней Азии, Ирана и Восточного Туркестана, развившимися, по-видимому, из этого «тайного языка сасанов».

Представленные в настоящей работе материалы по аргю групп «кавол», гиссарских джуги, самаркандских люли и чистони²⁸ свидетельствуют о том, что и эти аргю тесно связаны с перечисленными выше, имея общий с ними слой арготической лексики. Приводимая ниже таблица 2 дает представление о характере этого общего слоя арготических лексиконов Средней Азии, Ирана и Афганистана и о зависимости его от аргю средневекового цеха сасиан²⁹.

§ 21. Обнаружение арготического словаря с переводом арготизмов на персидский язык в списке середины XIV в. свидетельствует о значительной древности распространения аргю в персоязычных странах. Поскольку лексикон этого словаря совпадает во всем основном с лексиконом перечисленных выше аргю Средней Азии и Ирана, а в некоторых элементах и с арготической лексикой касыды Абу-Дулафа (X в.) /Тр., 262/, можно считать, что распространение этого аргю на указанной территории засвидетельствовано уже на протяжении тысячелетия. Автор «*Kitāb-i sāstān*» отлично сознавал назначение арготического словаря, указывая, что приводимыми словами пользуются тогда, когда «не хотят быть понятыми посторонними людьми». Он же сообщает о том, что на этом «языке» слагались даже стихи.

О древности изучаемых аргю и об их распространении может свидетельствовать также тот не отмеченный до сих пор факт, что некоторые арготические слова, зафиксированные словарем «*Kitāb-i sāstān*» или же записями по современным аргю Ирана и Средней Азии, попадали в списки средневековых персидских толковых словарей (фархангов). Так, например, на полях одного из списков древнейшего из дошедших до нас фархангов «*Луғат-и фурс*» (XI в.), имеются два слова, поставивших в затруднение издателя этого словаря, известного иранского филолога А. Икбала, и его исследователя

²⁸ Аргю группы соугтарош-хисори, как уже указывалось, совпадает во всем основном с аргю гиссарских джуги, и потому нет необходимости привлекать его к сравнению.

²⁹ Лексика аргю цеха сасиан приводится с соблюдением орфографии источника. В скобках приводится персидский перевод арготических слов, данный источником. Отклонения от общего значения, данного в графе первой, оговариваются русским переводом (в скобках).

Таблица 2

Значения	Арго группы «кавол»	Арго гиссарских джуги	Арго группы чистони	Перс.-цыг.	Перс.-дерб.	Абдо.глиги	Арго цеха сасман
баран		Ҷанар	gənav	genəw, genew	Ҷанамā	Ҷанар	کوبند (دزد) کناو
вор	ginou	ginor	nuruki	nuru(r)	nuhur	ginoc	
глаз		nuhur	daxkəc	dux tət	dux tət	nuhur (*слепой*)	چشم (چشم) نهور
девочка, девушка	dalkoʃ	dalkoʃ	danawak	danew	deneb	dalkoʃ	زن (زن) بچه
женщина, жена	danar	danam	kim-	kim-		danar(p)	بچه بچه
идти, уходить	kim-	kim-	kalpak	kalptk	kalpik	kalpak	کلیا میت
собака	kalpak	kalpak	metiʃ-	meuʃden		met	(*мертвец*)
умирать	metiʃ-	metiʃ-				(*покойник*)	
хорошо, хороший	(основа прош. вр.) dax	dax		dakh	dak, dakh	dax	بخ

В.А. Капранова³⁰. Первое из этих слов – صابونه (с толкованием *زین پیر* «старуха на языке асианов») можно уверенно сопоставить с широко распространенным в рассматриваемых арго словом *sovut, sobut* «старик» (см. арготический словарь группы джуги, s.v. *sovut*); второе – نام زینست بزبان آسیان (с толкованием «название женщины на языке асианов») также встречается в различных фонетических вариантах во всех этих арго (см. арготический словарь группы джуги, s.v. *danam*¹). Оба эти слова приписаны языку «асианов» (آسیان) также в фарханге Хафиза Обеи (xvi в.) /Арендс 1954, 103/. Слово *دنه* засвидетельствовано в указанном значении также в «Kitāb-i sāsīān». Сам термин *zabān-i asīān*, дважды употребленный в толкованиях и также оставшийся непонятым /см. Арендс 1954, 103; Капранов 1964, 88/, представляет, видимо, не что иное, как искаженное *zabān-i sāsīān* «язык сас(и)анов» (ک 20).

22. Арготическая техника, технические приемы, используемые при создании арготических лексиконов, уже многократно описывались в специальной литературе³¹, и здесь нет необходимости подробно останавливаться на этом вопросе. Многие из этих приемов можно наблюдать – в том или ином соотношении и в тех или иных сочетаниях – и в наших материалах. Отметим здесь лишь некоторые характерные технические приемы, свойственные изучаемым арго.

1. Деформация слова, сознательное и обусловленное искажение звукового состава слов общеразговорной речи. Средством деформации слова служит обычно присоединение особых «затемняющих», «маскирующих» аффиксов или частиц, замена одних звуков (или групп звуков) другими, опущение звуков. Особенно распространен этот прием в арго группы джуги, где «затемняющие» суффиксы могут присоединяться практически к любому слову: *sartuqi* «голова» (тадж. *sar*), *sall(i) atuq(q) i* «чалма» (тадж. *salla*), *talxtum* «горький» (тадж. *talx*), *boʃtum* «богатый», «богач» (тадж. *boʃ*), *labtuqis* «губа» (тадж. *lab*), *zʷwontumas* «язык» (тадж. *zabon*), *dadaʷəz* «отец» (тадж. *dada*) и т.д. Ср. употребление аналогичных «суффиксов» в арго цыган Кайната (Qainat) /см. Ив. I, 447-448/. Некоторые из таких «суффиксов», употребляемых так называемыми персидскими цыганами и гиссарскими джуги, совпадают, по-видимому, даже по звучанию: дж. -*tum*/перс.-цыг. -*tum*, **tom*; дж. -*tuq(q) i*/ перс.-цыг. -*tək* и т.д. Ср. также специальный «суффикс», применяемый для засекречивания терминов родства: дж. -*ʷəz*.

³⁰ Этот список (по изданию А. Икбаля – список 5) датирован 766/1365 г. На полях его «явно более поздним почерком» написан параллельный текст, содержащий многие слова, отсутствующие в основном тексте рукописи и не встречающиеся в других известных словарях /см. Капранов 1964, 35-36/. Как справедливо указывает В.А. Капранов, эти слова «нуждаются еще в детальной изучении».

³¹ См., например, Поливанов 1931, 152 сл.; Жирмунский 1936, 154 сл.; Касарес 1958, 282-283. См. также названные в §§17-18 работы В.А. Изанова, С.И. Климчицкого, А.Л. Троицкой и др.

-*ʒez* /перс.-цыг. -*gis*, -*ʒis*: дж. *dada-ʒez* 'отец', *mom-ʒez* 'мать' и перс.-цыг. *mō-gis* 'мать', *xōr-ʒis* 'сестра' и т.д.

В арго группы «кавол» употребляется только один такой «затемняющий» элемент – «суффикс» -*kí* (при словах с согласным исходом -*ákí*, -*iki*, *biniki* 'нос' (тадж. *biní*), *bomaki* 'крыша' (тадж. *bom*), *degaki* 'котел' (тадж. *deg*), *dāndonaki* 'зуб' (тадж. *dāndon*) и т.д. В арго группы чистони этот прием встречается лишь в единичных случаях: *čarbāšo(n)* 'жир', 'масло', 'сало' (тадж. *čarb* 'жирный'), *pirvat* 'старик', 'старуха' (тадж. *pir*) и т.п.

Замена или опущение звуков (групп звуков) также характерны для арго группы джуги: *dariš-i* 'в', 'во внутрь' (тадж. *darun-i*), *beruš* 'поле' (тадж. *berun* 'снаружи'), *oʃik* 'таджик' (тадж. *toʃik*) и т.п. В арго группы чистони этот прием встретился лишь в одном сомнительном случае: *bokor* 'базар' (тадж. *bozor?*), в арго группы «кавол» как будто не встречается вообще.

Таким образом, можно констатировать, что различные приемы деформации слов общеразговорной речи свойственны главным образом арго группы джуги. В арго группы «кавол» этот прием употребляется значительно реже, и употребление его ограничено использованием лишь одного «затемняющего» суффикса (-*ki*, -*aki*, -*iki*). Еще реже употребляется этот прием в арго группы чистони, где из списка арготизмов, насчитывающего около ста единиц, лишь шесть образовано путем деформации слов общеразговорной речи.

2. Переосмысление лексических элементов общеразговорной речи (семантические сдвиги, метафоры, название предмета по признаку и т.п.). К переосмысленным таким образом словам часто добавляются еще различные (в том числе и арготические) словообразовательные элементы. Ср., например, дж. *safetí* 'хлопок' (тадж. *safed* 'белый'), *talxakí* 'чай' (тадж. *talx* 'горький'), *rištum* 'подбородок' (тадж. *riš* 'борода'), *xurkē* 'пшеница' (тадж. *xūrdan*, *xūr-* 'есть', 'принимать пищу'; ср. вандж. *xūr* 'зерно'); кав. *sarakí* 'женский головной платок' (тадж. *sar* 'голова'), *surxakí* 'золото' (тадж. *surx* 'красный') и т.д. В арготическом лексиконе группы чистони этот прием, как кажется, не употребляется.

К этой же группе следует отнести прием поляризации значений. Ср., например, дж. *nuhur*, *nuhūr* 1) глаз; 2) слепой (перс. *nohur* 'глаз', 'взгляд'). В некоторых таджикских диалектах слово *nohur* употребляется также в значении 'зрение', 'сила зрения' (араб.-перс. *nur* 'свет')³². Отсюда – в силу поляризации значений – дж. *nuhur* 'слепой'³³.

3. Использование иноязычных слов (или слов неизвестного происхождения). Ср., например, кав. *las*/чист. *lās* 'рука' (афг. *lās*), кав. *dodi*/чист. *duđaj* 'хлеб' (афг. *dođaj*), дж. *badiq* 'дыня' (араб. *bađđih*), дж. *kalpak*, кав.

³² Ср., например, дерб. *ey, ʃuraʃon, pir šudem, nuhur-i čašm-am na-mond* 'Эх, друг, состарился я, не вижу (плохо вижу)' (из записей автора). Ср. тадж. лит. *нури дада* 'зрение'.

³³ В этом же значении засвидетельствовано слово *nuhur* в абдолтли, в арго ферганских и ташкентских люли и абдалов Восточного Туркестана /см. Тр., табл. IV/.

kalpak, чист. *kalpak* 'собака' (араб. *kalb*), дж. *sist* 'голова', дж. *pileb-* 'бежать', чист. *lip-/lib-* 'бить', 'ударять' и т.д. (подробнее об иноязычных словах см. § 23).

4. Использование описательных оборотов или композит с включением в них арготических слов или элементов. Ср., например, дж. *delameruftagi* 'веник' (=тадж. *ʃorub*), букв. 'то, чем подметают дом' (арг. *dela* 'дом' + тадж. *meruftagi*); *dokametarvegi* 'кетмень' (=тадж. *ketman*), букв. 'то, чем бьют (копают) землю' (арг. *doka* 'место', 'земля' + прич. наст.-буд. вр.³⁴ от арг. *tarb-/tarv-* 'бить'); *dowoxxol* 'ячмень', букв. 'то, что ест лошадь' (арг. *dowo* 'лошадь' + арг. *oxol-* 'есть'); *mayobmevarsondagi* 'ведро', букв. 'то, чем носят воду' (арг. *mayob* 'вода' + прич. наст.-буд. вр. от арг. *varson-* 'носить') и т.п. В арго группы «кавол» этот прием не засвидетельствован, в арго группы чистони засвидетельствован лишь в единичных случаях: *tagi kaluri memondagi* 'подушка', букв. 'то, что кладется под голову', (тадж. *tagi* 'под' + арг. *kaluri* 'голова' + прич. наст.-буд.вр. от тадж. *mon-* 'класть').

5. Комбинирование различных приемов. Ср., например, дж. *sisbanʃob* 'чалма' (арг. *sist* 'голова' + искаженное тадж. *band-* осн. наст. вр. глагола 'вязать', 'повязывать'), *belvanʃ* 'поясной платок' (узб. *bel* 'талия' + искаженное тадж. *band-* 'вязать', 'повязывать') и т.п. Ср. также примеры, приведенные выше (п. 4).

§ 23. Из перечисленных средств создания арготического словаря наиболее существенным для анализа представляется использование в целях засекречивания речи иноязычных слов. Изучение этой части арготических лексиконов позволяет вскрыть внутренние связи между различными арго и, что еще существеннее, выяснить, с какими именно иноязычными народами или группами населения контактировала та или иная из арготирующих групп, проследить пути ее миграций.

В изучаемых арго употребляются слова узбекского, афганского, индийского, арабского, древнееврейского, возможно, также арамейского происхождения и, наконец, слова, происхождение которых выяснить не удается.

Разберем в качестве примера состав арготического лексикона группы чистони. Список арготических слов, зафиксированных у этой группы, содержит около 100 лексических единиц. За вычетом слов производных (композиты, каузативные глаголы и пр.), а также арготизмов, образованных путем искажения слов таджикско-персидских, остается 68 слов иноязычного (или невыясненного) происхождения. По своему происхождению эти 68 слов распределяются следующим образом:

слова афганского происхождения	4
» индоарийского	9
» семитического	13
» узбекского	1(?)
» невыясненного	41

³⁴ Этот тип причастий (тадж. лит. *мехондаги*) обозначает, в частности, способность или свойство, присущее предмету /см. Расторгуева–Керимова 1964, 178/.

Использование в арготическом лексиконе группы чистони афганских (пашто) слов (*lās* 'рука', *dudaj* 'хлеб', *xatake* 'дыня'; ср. афг. *lās*, *ḡoḡāj*, *xatākaj*) легко объясняется историческими судьбами этой группы, относительно недавно переселившейся из Афганистана. Использованием афганских слов арго группы чистони сближается с арго группы «кавол», также недавних выходцев из Афганистана, в котором зафиксировано относительно значительное количество афганских слов, в том числе и три выше названных (кав. *los* 'рука', *dodi* 'хлеб', *xataké*, *xatakaj* 'дыня').

Из слов индоарийского происхождения могут быть названы: *bak²ri* 'козел', 'коза' (< др.-инд. *bārkara-*), *bōt/but* 'большой', 'важный' (< др.-инд. *bahutva-*), *gadar* 'осел' (< др.-инд. *gardabha-*), *mas/slā* 'мясо' (< др.-инд. *māmsām*), *pup* 'легкие' (< др.-инд. *phupphusa-*). Рефлексы этих древнеиндийских слов встречаются во многих современных индоарийских языках (хиндустани, панджаби, лахнда, гуджарати, маратхи, раджастхани и др.) в весьма близкой фонетической форме, что затрудняет более точное установление источника, к которому могли бы восходить перечисленные слова индоарийского происхождения. Особый интерес представляет поэтому слово *gal* 'слово', засвидетельствованное в указанном значении, как кажется, только в панджаби и лахнда (*gall*), а также в языке палестинских цыган (*gāli*) /Тум., s.v. *garhā-* /.

В отношении некоторых слов семитического происхождения можно утверждать, что они проникли в арго группы чистони из арабского языка³⁵. Ср., например, *daba* 'лошадь' (араб. *dabba*), *kalpak* 'собака' (араб. *kalb*); из арабского идет, возможно, также *rez²m* 'рис' (ср. араб. 'ruz). Другие семитические слова проникли, по-видимому, из древнееврейского. Ср., например, *ganav* 'вор' (др.-евр. *gannāv*), *oxol-* 'есть', 'кушать' (др.-евр. 'kl) и т.д. Однако в отношении слов семитического происхождения не всегда возможно точно указать источник заимствования. Так, например, *katuna* 'одежда' может восходить и к др.-евр. *kētōnet* 'рубашка', и к араб. *kattān* 'льняное платно'; *majtid-* 'умирать' (осн. прош.вр.) и к др.-евр. *mēt* 'он умер', и к одной из форм араб. *māta* 'умирать'; *māj*, *moj* 'чай' и к др.-евр. *mayim* 'вода', и к араб. *ma'* с тем же значением; *parzal* 'нож' идет, по-видимому, из араб. *parzel* 'железо', 'железное орудие'.

Среди слов невыясненного происхождения встречается ряд слов, общих для арго группы чистони и других арго Средней Азии и Ирана, в том числе и для средневекового арго, зафиксированного в «Kitāb-i sāstān». Таковы, например, *kim-* 'идти', 'уходить', *danawak* 'жена', 'женщина' и др. (см. табл. 2). Некоторые из слов невыясненного происхождения засвидетельствованы только у группы чистони и у арготирующих цыганообразных групп Ирана. Ср., например, чист. *bagal* 'баран', 'овца'/перс.-цыг. *bagal*, чист. *čumari* 'курица'/перс.-цыг. *čamori*, *čemuri*, чист. *ḡibit* 'жена', 'женщина'/перс.-цыг. *ḡewi*, *ḡewit*, *ḡewitd* и т.д. Имеются и слова, свойственные только арго группы чистони и в других арго Средней Азии и Ирана, насколько мне

³⁵ Из рассмотрения исключаются, разумеется, арабские по происхождению слова, вошедшие в лексический состав персидского и таджикского языков.

известно, незасвидетельствованные: *babaj-* 'давать', *ḡajpund-* 'бросать' (осн. прош. вр.), *lib-/lip-* 'бить', *kalda* 'сын' и др. Не исключено, что среди арготической лексики невыясненного происхождения может оказаться еще некоторое количество слов семитических. Сובлазнительно было бы связать, например, *bakar*, *bokor* 'базар' с араб. *baqar* '(крупный) рогатый скот', *dela* 'дом' с араб.-евр. *dira*, *dirah*; *kim-* 'идти', 'уходить' с араб.-евр. *qum/qim* 'аставать'³⁶, *kutum* 'зерно', 'зерновые' с др.-евр. *xittīm* 'пшеница' и т.д. Нельзя не признать, однако, что все такие сближения остаются пока гипотетическими: может быть, было бы предпочтительнее рассматривать арг. *dela* 'дом' как отражение афг. *derá* 'жилище', 'стоянка', 'шалаш', арг. *kutum* 'зерно' – как искаженное перс.-тадж. *tuxm* (*tuxum*) и т.п.

Слова индийского и семитического происхождения встречаются также в арго групп «кавол» и джуги. Из индоарийских языков идут, например, кав. *bāč kun-* 'продавать' (ср. хинд. *bečnā*), *gora* 'лошадь' (ср. хинд. *ghorā*), дж. *gadar* 'осел' (< др.-инд. *gardabha-*, ср. хинд. *gadha*), *kam* 'работа' (ср. хинд. *kām*), *pak-* 'печь', 'варить' (ср. хинд. *paknā*) и т.д.; из семитических – кав. *ginoq*/ дж. *ginop* 'вор' (др.-евр. *gannāv*), дж. *havrik* 'человек', 'мужчина' (др.-евр. *gever*), *oxol-* 'есть', 'кушать' (др.-евр. 'kl), *muḡuz* 'кишляк', 'город' (араб. *mḡwz*), *badiq* 'дыня' (араб. *baḡīḡ*), *kalpak* 'собака' (араб. *kalb*) и т.д.

§ 24. Если элементы узбекской лексики в интересующих нас арго Средней Азии легко объясняются жизнью арготирующих групп среди узбекского или узбекско-таджикского по языку населения, а элементы афганской лексики в арго групп «кавол» и чистони можно объяснить недавним переселением этих групп из Афганистана, то вопрос об арготической лексике индийского и семитического происхождения требует специального рассмотрения.

Специалисты, изучающие западноевропейские и русские арго, отмечают, что иноязычные элементы проникают в арго благодаря: а) пестрому национальному составу арготирующих групп, б) их подвижности в пределах и за пределами национальной территории и в) деятельности их в пограничных районах /см. Жирмунский 1936, 157/. Первый из этих факторов в нашем случае должен быть исключен полностью: как уже отмечалось, джуги, «кавол» и чистони представляют замкнутые в себе этнографические группы, этнически однородные, связанные общим происхождением, системой брачно-семейных отношений, характером занятий, и более или менее значительно обособленные как друг от друга, так и от коренного окружающего населения. Относительная подвижность этих групп (особенно в прошлом) и их контакты не только с таджикоязычным, но и с узбекоязычным и афганоязычным населением действительно могут объяснять наличие в их арго узбекских и афганских (для групп «кавол» и чистони) лексических элементов. Однако нет никаких данных, которые могли бы свидетельствовать о каких-либо прямых контактах этих групп с населением, говорившим на языках индийских или семитических. И если слова арабские еще могли проникать в арго через учащиеся медресе или через каких-либо других

³⁶ В «Kitāb-i sāstān» арг. переводится 'встань!' (برخييز).

лиц, получивших мусульманское духовное образование, то слова древнееврейские (и арамейские) могли проникать только через посредство еврейского населения Ирана, Афганистана и Средней Азии. В определенных местах и определенных (скорее всего в торгово-ремесленных) слоях этого населения, говорящего на различных персидских и таджикских диалектах, традиционно сохраняющиеся древнееврейские слова могли в случае необходимости использоваться с целью сделать свою речь непонятной для окружающих. Примером такого использования древнееврейской лексики может служить так называемый «язык гератских евреев», представляющий не что иное как арго, основанное на одном из местных таджикско-персидских говоров и использующее в своем потайном лексиконе древнееврейские слова (§ 17). Ср., например, *лешид* 'ушел', *блейх* 'иди', *блейхин* 'идите' /Зар. 1924а, 182/, где *лех*, *лейх* – осн. наст. вр. глагола 'идти' (из др.-евр. אָדָּן, пов. накл. אָדָּן), *-ид* – тадж. суффикс производной основы прош. вр. (= 3-му л. ед.ч. прош. вр.), *б-* – приставка, используемая в персидском языке и персидско-таджикских говорах для образования повелительного наклонения, *-ин* – диалектное окончание 2-го л. мн.ч. /см. Ор. 1970/. Ср. также некоторые распознанные И.И. Зарубиным /Зар. 1924а, 183/ древнееврейские слова и выражения, используемые в этом «языке». Весьма существенно замечание о том, что этим «языком» пользовались не только гератские евреи, но и некоторые горцы, приезжавшие на гератский базар /Зар. 1924а, 183/. Таким образом, выявляется один из возможных путей проникновения древнееврейской лексики в различные арго Ирана, Афганистана и Средней Азии³⁷. Использование семитической лексики (арабской, древнееврейской, сирийской) в различных арго этого ареала засвидетельствовано уже словарем «Kitāb-i sāsiān» /см. Ив. III, 375, сл.; Тр., 260 сл.; СВРАН УзССР I, 196-197/ и может быть, таким образом, прослежено, начиная по меньшей мере с XIV в.

Особого внимания заслуживает вопрос об индоарийских лексических элементах изучаемых арго. Предположение о каких-либо прямых контактах изучаемых групп, особенно группы джуги и согутарош, с индоязычным населением (во всяком случае, на протяжении последних столетий) должно быть отброшено. Индийская лексика могла бы быть привнесена в их арго через посредство каких-либо цыганских диалектов³⁸, однако так называемые цыгане Ирана и Средней Азии говорят, как известно, на различных персидских и таджикских диалектах и цыганского языка не знают. Не исключено,

³⁷ Древнееврейские лексические элементы отмечены также в многочисленных арго, распространенных в странах Европы и в России. Только здесь эти лексические элементы попадали в арго через язык идиш /см. Фришман 1931; Жирмунский 1936, 157/. Любопытно в этой связи отметить, что в немецких арго засвидетельствованы некоторые слова, имеющие общее происхождение со словами изучаемых арго Средней Азии. Ср., например, *дж.* и *чист.* *охол* 'есть', 'кушать' в немецком арго *acheln* с тем же значением.

³⁸ Именно такое явление наблюдается в многочисленных арго России и других стран Европы /см., например, Баранников 1931, 145; Жирмунский 1936, 158/.

однако, что некоторые из изучаемых групп были в далеком прошлом индоязычны и лишь впоследствии, в ходе скитаний по ираноязычным странам, древний их язык был вытеснен персидским или таджикским. Сохранившиеся же элементы индоарийской речи закрепились в качестве арготизмов и используются с целью засекречивания речи от окружающего персо- и таджикоязычного населения. Наиболее вероятно такое предположение в отношении группы джуги и других этнографических групп, объединяемых обычно в литературе под названиями «персидские цыгане», «среднеазиатские цыгане» (см. гл. II); с большей или меньшей степенью вероятности может быть высказано такое предположение и в отношении групп «кавол» (шех-момади) и чистони (или каких-то их подразделений).

§ 25. Количественное соотношение арготических элементов, восходящих в изучаемых арго к афганской, индийской, семитской, тюркской и искаженной персидско-таджикской лексике, может быть представлено в виде следующей ниже таблицы.

Таблица 3

Состав арготической лексики по происхождению

Названия арготирующих групп	Состав по происхождению ²						
	Закреплено лексических элементов ¹	афганское	индоарийское	семитическое ³	узбекское	персидско-таджикское ⁴	невыясненное ⁵
«Кавол»	130 ⁵	20 ⁶	13 ⁷	4 ⁸	–	29 ⁹	52 ¹⁰
Джуги	284	–	10 ¹¹	21 ¹²	5 ¹³	76 ¹⁴	124 ¹⁵
Чистони	85	4	9 ¹⁶	13 ¹⁷	1(?)	11 ¹⁸	41 ¹⁹
Самаркандские люди	216	–	10 ¹¹	25 ²⁰	9 ²¹	45 ²²	81 ²³

¹ Не считая различных произносительных вариантов одного слова.

² В подсчет слов по происхождению включены только слова непроизводные. Производные от них (суффиксальные и префиксальные образования, композиты, отыменные, каузативные, приставочные глаголы и пр.) из подсчета исключаются.

³ Исключая, разумеется, арабские слова, вошедшие в персидскую и таджикскую лексику.

⁴ Персидские и таджикские слова, арготически деформированные, употребляемые в специфическом арготическом значении или же не употребляемые в современном таджикском языке.

- 5 Из подсчета исключены слова, отличающиеся от общеразговорных лишь наличием арготического «суффикса» *-ki (-aki, -iki)* См. § 103.
- 6 В том числе под вопросом – 1.
- 7 В том числе под вопросом – 4.
- 8 В том числе засвидетельствованы словарем «Китāб-и сāsīān» – 4; из них определено др.-евр. – 1.
- 9 В том числе под вопросом – 4.
- 10 В том числе засвидетельствованы словарем «Китāб-и сāsīān» – 5.
- 11 В том числе под вопросом – 1.
- 12 В том числе засвидетельствованы словарем «Китāб-и сāsīān» – 9; определено др.-евр. или араб. – 6; под вопросом – 2.
- 13 В том числе под вопросом – 3.
- 14 В том числе засвидетельствовано словарем «Китāб-и сāsīān» – 2; под вопросом – 21.
- 15 В том числе засвидетельствовано словарем «Китāб-и сāsīān» – 8.
- 16 В том числе под вопросом – 4.
- 17 В том числе засвидетельствованы словарем «Китāб-и сāsīān» – 6; из них определено др.-евр. – 1; др.-евр. или араб. – 2; под вопросом – 1.
- 18 В том числе под вопросом – 6.
- 19 В том числе засвидетельствовано словарем «Китāб-и сāsīān» – 2.
- 20 В том числе засвидетельствовано словарем «Китāб-и сāsīān» – 12; определено др.-евр. или араб. – 2; под вопросом – 7.
- 21 В том числе засвидетельствовано словарем «Китāб-и сāsīān» – 1; под вопросом – 7.
- 22 В том числе засвидетельствовано словарем «Китāб-и сāsīān» – 5; под вопросом – 16.
- 23 В том числе засвидетельствовано словарем «Китāб-и сāsīān» – 3.